

EPISTEMOLOGICAL PROPERTIES OF THE PHENOMENON OF FICTION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Maksuda Urolova

Independent Researcher

Namangan State University

E-mail: m.urolova@mail.ru

Science ID: FNM-0726-0193

Namangan, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: fiction, epistemology, artistic cognition, social reality, hermeneutics, narrative, symbolic representation, cultural memory, interpretation, value consciousness, meaning-making, theory of knowledge.

Received: 04.08.26

Accepted: 05.08.26

Published: 06.08.26

Abstract: This article explores the epistemological properties of fiction as a specific form of social consciousness and social cognition. It examines the relationship between scientific and artistic modes of understanding reality, and analyzes the cognitive potential of fiction in the context of contemporary social philosophy, phenomenology, hermeneutics, and the theory of interpretation. It substantiates the proposition that fiction not only reflects social reality but also constructs unique forms of knowledge inaccessible solely to rational scientific research. Fiction is viewed as a unique epistemological system, uniting rational, emotional, value-based, and existential forms of understanding the world.

BADIIY ADABIYOT HODISASINING EPISTEMOLOGIK XUSUSIYATLARI: IJTIMOIIY-FALSAFIY TAHLIL

Maqsuda Urolova

Namangan davlat universiteti mustaqil izlanuvchisi

E-mail: m.urolova@mail.ru

Ilmiy identifikatsiya raqami: FNM-0726-0193

Namangan, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: badiiy adabiyot, epistemologiya, badiiy bilish, ijtimoiy voqelik, germentevtika, rivoyat, ramziy tasvir,

Annotatsiya: Ushbu maqola badiiy adabiyotning ijtimoiy ong va ijtimoiy bilishning o'ziga xos shakli sifatidagi epistemologik xususiyatlarini o'rganadi. Unda

madaniy xotira, talqin, qadriyat ongi, ma'no yaratish, bilim nazariyasi.

voqelikni anglashning ilmiy va badiiy usullari o'rtasidagi bog'liqlik o'rganiladi va badiiy adabiyotning kognitiv salohiyati zamonaviy ijtimoiy falsafa, fenomenologiya, gerменевтика va talqin nazariyasi kontekstida tahlil qilinadi. Unda badiiy adabiyot nafaqat ijtimoiy voqelikni aks ettiradi, balki faqat ratsional ilmiy tadqiqotlar uchun mavjud bo'lmagan noyob bilim shakllarini yaratadi degan fikr asoslanadi. Badiiy adabiyot dunyoni anglashning ratsional, hissiy, qiymatga asoslangan va ekzistensial shakllarini birlashtirgan noyob epistemologik tizim sifatida qaraladi.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФЕНОМЕНА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Максуда Уролова

Самостоятельный исследователь

Наманганский Государственный Университет

m.urolova@mail.ru

Научный идентификационный номер: FNM-0726-0193

Наманган, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: художественная литература, эпистемология, художественное познание, социальная реальность, герменевтика, нарратив, символическая репрезентация, культурная память, интерпретация, ценностное сознание, смыслообразование, теория познания.

Аннотация: Статья посвящена исследованию эпистемологических свойств художественной литературы как специфической формы общественного сознания и социального познания. Рассматривается проблема соотношения научного и художественного способов познания действительности, анализируются когнитивные возможности художественного текста в контексте современной социальной философии, феноменологии, герменевтики и теории интерпретации. Обосновывается положение о том, что художественная литература не только отражает социальную реальность, но и конструирует особые формы знания, недоступные исключительно рационально-научному исследованию. Художественный текст рассматривается как особая эпистемологическая система, соединяющая рациональные, эмоциональные, ценностные и экзистенциальные формы освоения мира.

Введение. В современной философии проблема познавательного статуса художественной литературы приобретает особую актуальность вследствие изменения характера гуманитарного знания. Если классическая эпистемология традиционно связывала производство знания исключительно с научным методом, логической аргументацией и эмпирической проверкой, то гуманитарная мысль XX–XXI вв. существенно расширила представления о возможных формах познания. В рамках философской герменевтики, феноменологии, аналитической философии искусства и социальной философии художественная литература рассматривается не только как эстетический феномен, но и как специфическая форма производства знания о человеке и обществе [1].

Подобная постановка вопроса обусловлена тем обстоятельством, что художественный текст представляет собой особую форму репрезентации социальной действительности. В отличие от научного знания, ориентированного на объективное описание закономерностей, художественная литература воспроизводит человеческий опыт через систему образов, символов, сюжетов и ценностных конфликтов. Благодаря этому литература оказывается способной фиксировать те аспекты социальной реальности, которые принципиально трудно выразить средствами научного дискурса: внутренний опыт личности, нравственные дилеммы, экзистенциальные переживания, историческую память, коллективную идентичность и культурные архетипы.

Основная часть. Действительно, художественная литература может быть не только искусством, но и способом познания общества и человека. Литература помогает понять мотивы людей, моральные конфликты, устройство общества и возможные сценарии будущего. Многие ученые исследовали литературу как искусство, но гораздо меньше внимания уделяли вопросу, какое именно знание она создает и чем это знание отличается от научного. Здесь мы в статье выдвигаем идею, что художественная литература – это самостоятельная форма познания, у которой есть собственные способы создавать знания о человеке и обществе.

Именно поэтому в современной философии литературы постепенно формируется представление о художественном произведении как об особом эпистемическом объекте. Его познавательная функция заключается не столько в передаче фактической информации, сколько в создании моделей понимания мира посредством художественного опыта. В этом смысле литература оказывается не противоположностью научному познанию, а иной формой освоения социальной реальности, обладающей собственной логикой формирования знания [1].

Особое значение данная проблема приобретает в условиях современного информационного общества. Рост объема информации сопровождается снижением способности человека к целостному осмыслению социальной действительности. На этом фоне художественная литература сохраняет способность интегрировать разрозненные элементы общественного опыта в целостные нарративные структуры, благодаря которым становится возможным понимание сложных социальных процессов через индивидуальные человеческие судьбы. Именно данная способность делает художественный текст важнейшим инструментом формирования общественного сознания.

Следует отметить, что вопрос о познавательной природе художественного творчества имеет длительную философскую традицию. Уже в работах Аристотеля искусство рассматривалось как особый способ воспроизведения действительности, отличающийся от исторического описания своей способностью выявлять универсальное через единичное. В дальнейшем данная идея получила развитие в немецкой классической философии, прежде всего у И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, рассматривавших искусство как форму раскрытия истины, недоступной исключительно рассудочному мышлению.

В XX веке проблема была существенно переосмыслена представителями феноменологии и герменевтики. Роман Ингарден показал, что литературное произведение представляет собой многослойную интенциональную структуру, существующую не только как текст, но и как объект сознания читателя. Тем самым художественное произведение приобретает особый эпистемологический статус: знание возникает не только в процессе авторского творчества, но и в процессе читательской актуализации текста [2].

В отличие от научного знания, которое стремится к устранению субъективности наблюдателя, художественный текст, напротив, делает субъективность основным инструментом познания. Читатель не просто получает информацию о мире, а “входит внутрь” модели мира и проживает её как возможную реальность. Это позволяет говорить о литературе как о форме интенционального (направленного на смысл) опыта, где знание возникает в акте восприятия. Такое понимание восходит к феноменологической традиции, в частности к Р. Ингардену, который рассматривал литературное произведение как многослойный интенциональный объект, актуализируемый в процессе чтения [3]. В этом подходе важную роль играет не только текст, но и читатель, который “достраивает” произведение через процесс конкретизации смыслов.

Согласно Ингардену, литературное произведение не существует полностью в тексте как материальном объекте. Оно “достраивается” в сознании читателя через процесс конкретизации [3]. Это означает, что знание в литературе не фиксировано заранее, а возникает в акте чтения. Следовательно, каждый читатель:

- актуализирует свой вариант смысла,
- формирует собственную интерпретацию мира текста,
- участвует в создании эпистемического содержания произведения.

Существенный вклад в развитие данной проблематики внесли также Ханс-Георг Гадамер и Поль Рикёр, рассматривавшие понимание художественного текста как форму исторически обусловленного диалога между интерпретатором и культурной традицией. Согласно их концепции, смысл литературного произведения никогда не существует окончательно завершённым, а постоянно воспроизводится в новых исторических условиях посредством интерпретации. Особое место занимает концепция М. М. Бахтина, рассматривавшего художественный текст как пространство диалогического взаимодействия различных сознаний. Диалогичность становится не только эстетическим принципом построения произведения, но и способом производства нового знания о человеке и обществе. Через взаимодействие различных мировоззренческих позиций литература демонстрирует многомерность социальной реальности, недостижимую средствами монологического научного описания [4].

С точки зрения современной философии литературы, художественный текст можно рассматривать как модель возможного мира, в котором проверяются социальные, моральные и психологические сценарии поведения человека.

Это означает, что литература функционирует как форма “мысленного эксперимента”, где:

- персонажи выполняют роль “переменных”,
- сюжет – структуру причинности,
- конфликт – проверку ценностей.

В этом смысле художественная литература выполняет функцию, аналогичную научному моделированию, но на уровне человеческого опыта и смыслов. Поль Рикёр подчеркивал, что нарратив (повествование) является фундаментальной формой организации человеческого опыта, поскольку именно через историю человек осмысляет время и причинность [5].

Нарратив в литературе выполняет не только эстетическую, но и когнитивную функцию, он структурирует хаотический социальный опыт в форму, доступную

пониманию. М. М. Бахтин отмечал, что роман как жанр способен включать множество “голосов” и точек зрения, создавая диалогическую модель реальности. Это означает, что литература не навязывает единственную истину, а демонстрирует множественность возможных интерпретаций социального мира [6].

Таким образом, художественное знание:

- не является фиксированным,
- существует в процессе интерпретации,
- зависит от культурного и исторического контекста читателя.

<i>Различие между научным и художественным знанием можно выразить следующим образом:</i>	
Наука	Литература
объясняет причины	показывает переживание причин
стремится к универсальности	работает с единичным опытом
исключает субъективность	использует субъективность как инструмент
формулирует законы	моделирует ситуации

Если объяснять совсем просто, то наука про человека часто делает так: измеряет, классифицирует, объясняет причины поведения, а художественная литература делает иначе: показывает, как человек живёт внутри ситуации. Литература не “говорит, что человек сделал”, она показывает “почему это ощущается именно так”. Художественную литературу можно понять как особый способ получения знания о человеке и обществе, который работает иначе, чем наука, но всё равно даёт “настоящие” знания – просто другого типа.

Если объяснять совсем просто, наука про общество обычно отвечает на вопрос: “что происходит и почему?” Она опирается на факты, измерения и общие законы. Например, социология может описать, как бедность влияет на поведение людей или как работает власть в обществе. Но при этом наука часто “убирает” личные переживания, чтобы увидеть общую картину. Художественная литература делает наоборот: она не убирает человека из центра, а наоборот – помещает его внутрь истории и показывает, как всё переживается изнутри. Поэтому литература даёт знание не через формулы и объяснения, а через опыт. Мы как бы не просто узнаём, что человек страдает или принимает решение, а “проживаем” это вместе с ним. Можно сказать, что литература работает как симулятор реальности: она создаёт воображаемый мир, в котором есть люди,

события, выборы и последствия. Но, в отличие от реальной жизни, этот опыт безопасен – мы наблюдаем последствия поступков, не рискуя сами. Поэтому роман или повесть становятся своего рода “лабораторией”, где проверяются идеи о том, как устроены люди и общество. Например, в литературе можно увидеть, как человек меняется под давлением общества, как формируется чувство вины, как возникает страх, любовь или ненависть. Это не просто описание эмоций, а показ их “внутренней механики” – того, как они влияют на мысли, решения и поведение. Наука может назвать это психологическим состоянием, но литература показывает, как это ощущается изнутри.

Важная идея философии литературы (её развивали Поль Рикёр и Михаил Бахтин) заключается в том, что мы понимаем свою жизнь через истории. Мы не живём только в виде набора фактов – мы постоянно “рассказываем” себе, что с нами происходит. Поэтому литература оказывается близкой к тому, как устроено человеческое мышление: она организует опыт в форму сюжета, где есть начало, развитие и последствия. Ещё одна важная вещь: когда мы читаем художественный текст, мы не просто получаем информацию. Мы как бы “входим” в чужое сознание и начинаем смотреть на мир глазами другого человека. Это тренирует способность понимать других людей и их мотивы. Поэтому литература – это не просто развлечение, а способ развивать понимание социальной реальности.

Философ Роман Ингарден объяснял это так: текст сам по себе не является полностью готовым знанием – он “оживает” только тогда, когда его читает человек. Каждый читатель как бы заново собирает смысл произведения, опираясь на свой опыт и воображение [3]. Поэтому художественное знание не фиксировано, оно возникает в процессе чтения.

Если собрать всё вместе максимально просто, получается следующее: художественная литература – это способ изучать человека и общество не через измерения и формулы, а через проживание возможных жизненных ситуаций. Она показывает не только то, что происходит в мире, но и то, как это ощущается, понимается и переживается изнутри. Однако важно подчеркнуть, что художественное знание не является “менее точным” – оно просто относится к другому уровню реальности: экзистенциальному и социально-ценностному. Именно поэтому литература часто оказывается способной описывать такие явления, которые трудно формализовать научно: моральный выбор, чувство вины, страх, социальное давление, идентичность.

Заключение. В современной социальной философии художественная литература все чаще рассматривается как самостоятельный институт производства социального

знания. Она одновременно отражает существующие общественные отношения, критически их переосмысливает и проектирует возможные модели будущего социального развития. Благодаря этому художественное произведение становится не только объектом эстетического анализа, но и важным источником философского исследования процессов формирования общественного сознания, коллективной памяти и культурной идентичности.

Список использованной литературы:

1. Шохин В.К. Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология. Философский журнал | Philosophy Journal. 14, 1 (Mar. 2021), 20–35.
2. Большакова А. Ю. «к самим вещам!». Феноменологические основания современного литературоведения. Журнал “Филологический класс”, 2016.
3. Ingarden R. The Literary Work of Art. Evanston: Northwestern University Press, 1973. (Оригинальная концепция слоистой структуры литературного произведения и интенциональности художественного объекта.
4. Бахтина М. М. К эпистемологии литературоведения: пространственность художественного смысла в теории М.М.Бахтина. 2011. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/508>
5. Ricoeur P. Time and Narrative, Vol. 1–3. Chicago: University of Chicago Press, 1984–1988. (Концепция нарратива как формы организации человеческого опыта времени).
6. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1972.